

Допустима-ли война съ точки зрѣнія ученія Христа?

III.

(Окончаніе).

Каково же должно-быть отношеніе христіанина къ войнѣ? Любви христіанина, уподобляясь любви Божіей, ограничивающей и наказывающей зло, должна терпѣть зло до тѣхъ поръ, пока оно остается безвреднымъ для славы Божіей и спасенія ближнихъ. Но когда зло грозитъ нарушеніемъ законовъ нравственнаго міропорядка, когда оно силится разрушить царство добра и правды, чѣмъ оскорбляется величіе Бога и чѣмъ наносится вредъ святымъ стремленіямъ людей къ религіозно-нравственному совершенству, тогда та же любовь христіанина должна вызывать ревность по Богѣ, святое негодованіе, должна побуждать христіанина ограничивать зло, противодѣйствовать ему, что особенно Словомъ Божіимъ возлагается на начальство: „ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся: ибо онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое“ (Рим. 13, 1—4). Но если христіанинъ, противодѣйствуя злу, вынужденъ физически защищать однихъ и воевать противъ другихъ, то не нарушаетъ ли онъ тѣмъ самымъ закона Христа о любви ко всѣмъ людямъ и даже ко врагамъ? Вотъ вопросъ, который обычно ставятъ отрицатели войны, поборники космополитизма, и который былъ нѣкогда предложенъ сарацинами св. Кириллу, просвѣтителю славянъ. „Если, говорили Сарацины, Христосъ есть Богъ вашъ, то почему вы не дѣлаете того, что Онъ повелѣваетъ: молиться за враговъ, добро творить ненавидящимъ васъ, обращать ланиту бьющимъ; вы же не такъ, а совсѣмъ противно поступаете; изощряете оружіе противъ враждующихъ, выходите на брань съ ними и умерщвляете ихъ.“ Св. Кириллъ отвѣчалъ такъ: „Если въ какомъ нибудь законѣ предлагаются двѣ заповѣди, то кто будетъ истиннѣйшимъ законоблужителемъ: тотъ-ли, который исполнитъ одну заповѣдь, или тотъ, который исполнитъ обѣ заповѣди?“ „Безъ сомнѣвія тотъ, который исполнитъ обѣ заповѣди“, отвѣтили Сарацины. Тогда св. Кириллъ сказалъ, что Христосъ Богъ повелѣлъ намъ молиться за обижающихъ насъ и благотворить имъ, но Онъ-же заповѣдалъ намъ: „больши сея

любве никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя“ (Іоан. 15,13), поэтому мы торпимъ обиды, причиняемая каждому изъ насъ отдѣльно, но въ обществѣ защищаемъ другъ друга и полагаемъ свою душу за братьевъ нашихъ, дабы вы, увлекая ихъ въ плѣнъ, не плѣнили вмѣстѣ съ тѣлами души ихъ, увлекая благочестивыхъ къ своимъ злымъ и богопротивнымъ дѣламъ“ (Четвероевангеліе. Барсовъ т. 1,457 стр.). О необходимости для христіанина защищать одного противъ обиды и притѣсненій другого говорить и глубокой философъ-христіанинъ Вл. Соловьевъ: „Всѣ люди братья, говоритъ Вл. Соловьевъ, но, вѣдь, братья-то бываютъ различные. И почему мнѣ не поинтересоваться, кто изъ моихъ братьевъ Каинъ и кто Авель? И если на моихъ глазахъ мой братъ Каинъ деретъ шкуру съ брата Авеля и я именно не по равнодушію къ братьямъ дамъ брату такую затрепщину, чтобъ ему больше не до озорства было,—вы вдругъ меня укоряете, что я про братство забылъ! Отлично помню, поэтому и вмѣшался, а если-бы не помнилъ, то могъ-бы спокойно мимо пройти“ (Соловьевъ. Три разговора. Изд. 1901 г., стр. 37). Смыслъ приведенной цитаты такой: истинный христіанинъ долженъ всегда помнить о всеобщемъ братствѣ людей, а потому, когда онъ замѣтитъ, что одинъ по каински поступаетъ съ другимъ, обязанъ всѣми силами и мѣрами защищать обижаемаго и тѣмъ способствовать водворенію по землѣ царства мира, добра и правды или царства Христова. Мало этого: защищать слабого и обижаемаго можно, да и должно по мотивамъ и патріотическимъ, и это не противно будетъ христіанству. (Никольскій. „Христіанство, патріотизмъ и война“. Изд. Казань, 1904 г. 1—50 стр.).

Если, далѣе, при защитѣ слабого и угнетаемаго ближняго приходится нарушать миръ, то это не противорѣчитъ Слову Божію, которое повелѣваетъ: „если возможно, миръ имѣйте со всѣми людьми“ (Рим. 12,18) т. е. будьте миролюбивы въ отношеніи ко всѣмъ, но только не въ ущербъ правдѣ, истинѣ и благочестію. Вѣдь, не всякій миръ понимаемый въ смыслѣ отсутствія войны между людьми, есть благо для людей; никто не скажетъ, что такой миръ желателенъ и терпимъ въ жизни. Вотъ, что по этому поводу говорить св. прор. Іеремія: „Ненавистенъ Богу тотъ миръ, когда отъ малаго до большого каждый преданъ корысти и отъ пророка до священника всѣ дѣйствуютъ лживо; врачуютъ раны народа легкомысленно, говоря: миръ! а мира нѣтъ“ (Іерем. 6, 13—14). А тѣмъ, которые негодуютъ на войну, начатую въ защиту права и справедливости, во имя христіанской любви къ

угнетаемымъ и слабымъ, такъ говоритъ Св. Кипріанъ Карѳагенскій въ письмѣ къ Димитріану: „Ты, пишеть онъ, негодуешь на войну, но если въ душѣ твоей живы движенія вражды и самолюбія, если ты несправедливъ и обидчивъ, если ты ежедневно воюешь съ женою, дѣтьми, слугами и сосѣдями, то справедливо ли ты гнѣваешься на войну?“ (Христ. чт. 1830 г. 39 т. 252 стр.).

Отсюда война, являющаяся, какъ слѣдствіе грѣха среди людей, есть для христіанина, несчастіе. бѣдствіе, зло физическое. Такъ смотритъ на войну и церковь Христова, когда молитъ объ избавленіи своихъ членовъ отъ глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, нашествія ипоплеменниковъ и междуусобныхъ брани...

Съ этой точки зрѣнія нужно оцѣнивать и убійство на войнѣ. При убійствѣ одного человѣка другимъ, говоритъ В. Соловьевъ (Три разговора стр. 15), зло состоитъ не въ физическомъ фактѣ лишенія жизни, а въ нравственной причинѣ этого факта, именно, въ злой волѣ убивающаго.

На войнѣ же у отдѣльнаго солдата злого намѣренія и не бываетъ, особенно при господствующемъ нынѣ способѣ сраженія огнемъ изъ далекобойныхъ ружей и пушекъ противъ невидимаго на разстояніи врага: въ такой войнѣ убійство становится безличнымъ, механическимъ. Вообще-то на войнѣ отдѣльныя лица участвуютъ пассивно, а не активно (хотя возможно и послѣднее). Положеніе на войнѣ отдѣльнаго солдата можетъ быть сравнено съ положеніемъ начальника, носящаго мечъ для наказанія злыхъ (Рим. 13 4). Какъ и начальникъ, воинъ можетъ жалѣть, скорбѣть о гибели своего врага, но наказываетъ его убійствомъ за причиненное зло другому человѣку. *Въ данномъ случаѣ убійство какъ отъ начальника, такъ и отъ воина не столько грѣхъ, сколько несчастіе.* Съ другой стороны, душевное настроеніе сражающагося на войнѣ есть настроеніе человѣка, всегда готоваго къ смерти, каждую минуту ожидающаго своего конца; предъ этимъ субъективнымъ чувствомъ собственной смерти совершенно ступшевывается и теряетъ свою силу убійство непріятели на войнѣ. Вотъ, почему убійство на войнѣ отличается отъ убійства по злой волѣ, что уже и было выяснено раньше по поводу заповѣди „не убій“, невольныхъ убійствъ и убійствъ на войнѣ съ точки зрѣнія Ветхозав. Слова Божія.

Различіе убійства по злой волѣ отъ убійства на войнѣ дѣлаютъ и великіе свѣтильники Церкви Христовой: „Не позволительно убивать, пишеть св. Аѳанасій Александрійскій въ посланіи къ Аммуно монаху, но убивать враговъ на брани и законно

и похвалы достойно. Такимъ об. одно и то-же, смотря по обстоятельствамъ, непозволительно, а въ другихъ обстоятельствахъ благовременно, допускается и дозволяется" (Богослов. Вѣст. 1894 г. январь, 75 стр.).

По этому-же поводу у св. Златоуста читаемъ: „Иногда убійство вмѣняется въ правду, именно тогда, когда не станемъ просто судить о дѣлахъ, но будемъ тщательно вникать во время, причину, намѣреніе, въ различіе лицъ, и во всякія обстоятельства“ (Злат. 7 т. ч. 1, 200—201 стр.).

Что касается опасности собственной смерти на войнѣ, то по ученію Христа, христіанину слѣдуетъ бояться не смерти, а грѣха, какъ причины всѣхъ страданій и смерти духовной. Христосъ Спаситель учитъ насъ: „Не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ“ (Мѡ. 10,28).

А ап. Павелъ говорилъ, „что для него жизнь—Христосъ, а смерть пріобрѣтеніе“ (Филип. 1, 21). Отсюда воинъ—христіанинъ не долженъ бояться смерти на войнѣ, а быть всегда храбрымъ, мужественнымъ и страшнымъ для враговъ.

Въ жит. Святыхъ (Октябрь 12 день. Изд. Синод. тип. 283 стр.) рассказывается о св. Мартинѣ, еп. Турскомъ (въ Галліи) слѣдующее: „Въ молодости онъ служилъ въ войскахъ Юліана Отступника. Принявъ же крещеніе, онъ заявилъ самому Юліану о желаніи оставить военную службу. Тогда Юліанъ началъ упрекать Мартина въ трусости предъ предстоящей битвой. Въ отвѣтъ на этотъ упрекъ Юліана св. Мартинъ выразилъ желаніе встать въ самомъ опасномъ мѣстѣ битвы и безбоязненно наступать на непріятеля“.

Вторымъ примѣромъ безстрашія на войнѣ могутъ служить иноки Пересвѣтъ и Ослабя, благословенные преп. Сергіемъ на ратный подвигъ и шедшіе въ бой на Куликовскомъ полѣ въ первыхъ рядахъ воиновъ; шли они безъ гнѣва и ненависти, безъ радости и боязни, спокойные и холодные, какъ ангелы смерти, какъ вѣстники небснаго приговора осужденному, по ихъ вѣрованію, Богомъ врагу.

И такъ, съ нравственно-христіанской точки зрѣнія война *допускаема, какъ крайнее средство защиты добра, какъ дѣло необходимой по христіанскимъ мотивамъ и цѣлямъ защиты ближнихъ.* При этомъ нужно имѣть въ виду, что христіанство терпимо относится къ такъ называемымъ идейнымъ воинамъ, обусловленнымъ сознанный священной необходимостію возстановить нарушенную справедливость

и поправныя права. Но и такія войны оно считаетъ несчастіемъ, бѣдствіемъ и тѣмъ самымъ признается, что въ войнѣ и идейной примѣшивается къ добру зло. Зло и въ идейной войнѣ въ томъ, что и у защитниковъ правды вызываются враждебныя чувства ко врагамъ, наносится вредъ ихъ благосостоянію и жизни, а таковыя чувства и поступки противны ученію христіанства; слѣдовательно, христіанство *косвенно* осуждаетъ въ принципѣ войну и идейную, хотя въ то-же время и терпитъ ее, какъ меньше зло для предотвращенія большаго. Безусловно же осуждаетъ, какъ безусловное зло, войны наступательныя ради мести, насильственнаго захвата чужой собственности, — войны династическія, каковыя были и есть у язычниковъ, не просвѣщенныхъ христіанствомъ, не выше которыхъ стали и наши враги пѣмцы, начавшіе *настоящую* ужасную войну.

IV

Что христіанство допускаетъ войну и терпитъ ее, какъ крайнее средство защиты добра, какъ дѣло необходимой по христіанскимъ мотивамъ и цѣлямъ защиты ближнихъ, ихъ имущества и поправныхъ правъ, это подтверждаетъ одинъ изъ выдающихся архипастырей, Преосвященный Никаноръ (Т. I. Бесѣда на новый годъ. (1888 г.). Церковь и государство. Изд. 3. Одесса. 1890 г. 98 стр. и 120 стр.). Онъ говоритъ: „Никакимъ умничаньемъ нельзя оспорить у меня естественное право, проистекающее изъ самаго естественнаго, неотвратимаго побужденія взяться за оружіе, чтобы отразить врага, нападающаго на меня оружіемъ. Но это естественное право самозащиты превращается въ долгъ, когда я призванъ защищать другого, когда я отецъ семьи, когда родоначальникъ, когда начальникъ общины, когда я защищаю жену, дѣтей, всякую поправную невинность, всякую угнетенную насиліемъ слабость, или наруганную нахальствомъ святыню... Когда проливаемъ кровь за все, что есть на землѣ самаго священнаго, дорогаго и любезнаго: за вѣру и святыню, за храмы и могилы предковъ, за отцовъ и братьевъ, за женъ и дѣтей, за семейный очагъ, за народный укладъ, питающій и одушевляющій и провожающій въ могилу.“ Такова нынѣшняя война Сербіи, Россіи, Франціи, Англіи и Италіи противъ Германіи и Австріи. Не властолюбіе, не корыстолюбіе, не жажда славы военныхъ подвиговъ воздвигла Россію на войну, а состраданіе къ кровнымъ нашимъ братьямъ славянамъ, сознаніе священнаго долга защитить свою родину, защитить отъ поручанія православную вѣру, святыя

храмы, чудотворныя иконы и св. нетлѣнныя мощи мучениковъ. И въ такомъ случаѣ нравственный долгъ оставшихся дома, не принявшихъ непосредственнаго участія въ войнѣ,—молиться объ успѣхѣхъ русскаго и союзнаго воинства, всячески помогать и благожелать воинамъ. Св. Златоустъ, внушая оставшимся дома христіанамъ молиться за воиновъ и объ успѣхѣхъ ихъ оружія, говорить: „Развѣ не было-бы ни съ чѣмъ несообразно, если-бы въ то время, какъ другіе выступаютъ въ походъ и облакаются въ оружіе съ тою цѣлю, чтобы мы пребывали въ безопасности, сами мы за тѣхъ, которые подвергаются опасностямъ и несутъ бремя военной службы, не творили даже молитвъ? Такимъ обр., это вовсе не составляетъ лестн, а дѣлается по требованію справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы они не избѣжали опасности и не имѣли успѣха на войнѣ, то по необходимости и наши дѣла пришли-бы въ замѣшательство и нестроеніе: тогда, послѣ того какъ они потерпѣли-бы пораженіе, и намъ самимъ слѣдовало-бы идти на войну, или бѣжать и повсюду скитаться. Они составляютъ какъ-бы нѣкотораго рода оплотъ, поставленный впереди, который охраняетъ спокойствіе пребывающихъ внутри“ (Злат. т. 11, 659 стр.).

Въ такомъ взглядѣ на войну, предпринятую для защиты слабыхъ, для защиты оскорбляемой и попираемой вѣры нельзя усматривать противорѣчія христіанскому ученію и христіанскому сознанію. Такого взгляда на войну держались и руководители религіозной жизни, люди кристально чистой души, проникнутые духомъ христіанскаго ученія и любви Христовой, какъ-то: Святой митр. Алексій, великій патріотъ и носитель духа любви христіанской настолько, что своими молитвами исцѣлилъ жену хана Чанибека-Тайдулу и подготовилъ Дмитрія Донскаго на брань съ татарами. А препод. Сергій Радонежскій, этотъ великій подвижникъ добродѣтелей, истинный воинъ Христа Бога, еще въ жизни на землѣ прославленный чудотвореніями, прозорливостію и даромъ молитвы, благословившій Дмитрія Донскаго на брань съ Мамаемъ и давшій ему своихъ иноковъ витязей, павшихъ на полѣ брани; или наконецъ, великій свѣтильникъ русской церкви, святѣйшій патр. Гермогенъ, непоколебимой столпъ православной церкви, великій печальникъ за народъ русскій, мученически умершій за Русь святую въ дни великихъ смуть, волненій и измѣнъ, незадолго до смерти своей благословившій нижегородское ополченіе, поднявшееся освобождать Москву отъ поляковъ, обратившійся къ нему въ своей грамотѣ съ такими словами: „всѣмъ вамъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семь вѣкъ“

и въ будущемъ за то, что стоите твердо за вѣру, а я долженъ за васъ Бога молить“.

Такой взглядъ на войну въ защиту слабыхъ, и всего дорогого и священнаго для сердца христіанина, какъ на правое дѣло и дозволительное съ христіанской точки зрѣнія, подтверждаетъ и исторія христіанской церкви. Извѣстенъ разсказъ церковнаго историка Евсевія о томъ, что въ правленіе римскаго императора Марка Аврелія, въ половинѣ второго вѣка, спасеніе римскихъ войскъ отъ смертельной жажды во время войны съ Германцами и Сарматами приписывалось молитвамъ христіанскихъ солдатъ, принадлежавшихъ къ мелитинскому легіону.

„Маркъ Аврелій, готовясь вступить въ сраженіе съ Германцами и Серматами, тогда какъ его войско истаивало отъ жажды, находился въ крайнемъ затрудненіи. Но воины, такъ называемаго, мелитинскаго легіона, который за вѣру существуетъ съ того времени донинѣ, стоя предъ непріателемъ въ строю, приклонили колѣна на землю, что обыкновенно дѣлаемъ мы во время молитвы, и обратились къ Богу съ прошеніемъ. Сколь ни дивнымъ показалось непріателю такое зрѣлище, но за нимъ тотчасъ, говорятъ, послѣдовало еще болѣе удивительное. Это молнія, обратившая въ бѣгство и истребившая враговъ, и дождь, испрошенный силою молитвъ къ Богу и оживившій войско, которое едва не погибло отъ жажды“ (Церк. истор. Евсевія 5 кн. 5 гл. 231—272 стр.).

А божественная помощь ц. Константину В. въ войнѣ противъ Максентія, когда онъ послѣ видѣнія Креста на небѣ все свое упованіе возлагалъ на силу крестнаго знаменія. Или божественная помощь Новгородскому князю Александру Невскому во время войны со шведами. Русская исторія повѣствуетъ, что одинъ изъ бояръ князя (Пелгуй) однажды въ ночномъ обходѣ, на разсвѣтѣ, предъ восходомъ солнца увидѣлъ на рѣкѣ Невѣ плывущую лодку. На ней среди гребцовъ, покрытыхъ утренней мглой, въ свѣтозарныхъ одеждахъ стояли св. мученики Борисъ и Глѣбъ, причемъ они говорили другъ другу: „Поможемъ нашему сроднику Александру“. Извѣстно также, что послѣ Куликовской битвы (1380 г.) плѣнные татары объясняли свое поражение видѣніемъ молніеноснаго полка подъ предводительствомъ грозной небесной воительницы—Богоматери, икона которой находилась въ войскѣ великаго князя. Или во время нашествія Тамерлана (1395 г.), когда въ Москвѣ торжественно встрѣтили Владимірскую икону Богоматери, въ самый день и часъ ея встрѣчи, Тамер-

ланъ бужалъ изъ Россіи, устрaшеннѣе видѣніемъ грозной свѣтоносной жены.

И Св. православная Церковь, вѣруя въ небесную помощь нашему христіанскому воинству и, считая воиновъ защитниками Родины и Церкви, ублажаетъ ихъ подвиги, молится о упокоеніи ихъ въ особо установленные дни (Дмитріевская суббота и многихъ воиновъ причла къ лику святыхъ, напр. Меркурія, Θεодора Тирона, Андрея Стратилата, Θεодора Стратилата, Александра Невскаго). По вѣрованію церкви, Господь прославленныхъ на небѣ воиновъ иногда ниспосылаетъ на землю для помощи людямъ. Такъ, когда Юліанъ Отступникъ рѣшилъ истребить всѣхъ христіанъ, въ случаѣ удачной войны съ Персами, то Св. Василій В., узнавшій объ этомъ зломъ умыслѣ императора и молившійся въ церкви предъ иконою Богоматери, у ногъ которой былъ изображенъ и св. муч. Меркурій, объ отвращеніи злого замысла богоотступника, замѣтилъ исчезновеніе съ иконы муч. Меркурія и появленіе его чрезъ нѣсколько времени снова на иконѣ съ окровавленнымъ копьемъ. Впослѣдствіи узнали, что въ тѣ самыя минуты Юліанъ былъ пронзенъ копьемъ неизвѣстнымъ воиномъ, который тотчасъ-же скрылся. (Житія св. Синод. изд. Москва 1904 г. январь, день первый, 29—30 стр.).

Всѣ приведенные примѣры убѣждаютъ насъ въ томъ, что означенныя войны не противны Богу; и ученію христіанскому.

За дозволительность войны и военной службы для христіанъ говоритъ и фактъ служенія христіанъ первыхъ вѣковъ, въ до константиновскую эпоху, въ войскахъ языческой римской имперіи и въ большомъ количествѣ (Карашевъ А. Отношеніе христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ къ военной службѣ. Рязань 1914 г. 51—70 стр.).

Христіанское ученіе по высокимъ мотивамъ и цѣлямъ опредѣляетъ и самый характеръ войны и поведеніе солдатъ во время войны. Допуская войну, какъ крайнее средство защиты, оно въ то-же время предписываетъ христіанскимъ воинамъ и высокія нравственныя требованія. „Никого не обижайте“ говорилъ Св. Предтеча воинамъ, а Амвросій Медиол. (избр. поучит. слова М. 1838 г. стр. 68), примиря воинское служеніе съ христіанскою любовію, писалъ: „не воиномъ быть грѣхъ, но воинствовать для хищенія—беззаконіе“. Говоря иначе, такія предписанія означаютъ: „не обижайте врага бѣгущаго и покорнаго, врага безоружнаго и просящаго милости, врага лежащаго и истекающаго кровію, ибо сила военная не на

зло, не для обиды и своевольнаго насилія, а для защиты правды и добра. Всегда стойте за правду и правое дѣло, но берегитесь чтобы излишней обидой, нанесенной врагу оружіемъ, не ввести себя въ грѣхъ и не оскорбить голоса своей совѣсти“.

Протоіерей Иванцовъ Платоновъ (слова и рѣчи М. 1884. Нравственныя требованія военнаго званія, стр. 165) такія требованія ставилъ воинамъ христіанамъ: „Являясь мужественными защитниками правъ и интересовъ своего отечества, въ то-же время соблюдайте надлежащее уваженіе къ правамъ и человѣческому достоинству враговъ своихъ, и на полѣ битвы и въ вражеской странѣ будьте не варварами, не звѣрями, а истинными людьми и друзьями человѣчества, что, какъ извѣстно, не препятствуетъ успѣхамъ побѣды, не роняетъ достоинство побѣдителей, а, напротивъ, облегчаетъ успѣхъ побѣды и возвышаетъ достоинство побѣдоноснаго воинства въ глазахъ самихъ враговъ“.

Сообразуясь съ такими нравственными требованіями, предписываемыми воинамъ—христіанамъ словомъ Божиимъ и Св. Церковію нельзя съ христіанской точки зрѣнія признать дозволенными и тѣ способы войны, какія употребляютъ германцы въ современную войну. Они убиваютъ нашихъ раненыхъ воиновъ, разстрѣливаютъ безпощадно мирныхъ гражданъ, насилуютъ женщинъ, губятъ дѣтей, разрушаютъ вѣковыя святыни, сокровища искусства и рѣдкія собранія рукописей и книгъ; огнемъ и мечемъ уничтожаютъ достояніе мирнаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ кощунственно относятся къ святымъ и тѣмъ оскорбляютъ религіозное чувство. Такъ, въ Кальваріи нѣмцы бросили въ отхожее мѣсто св. Крестъ, Евангеліе и св. сосуды чашу и дискось, а у плѣннаго нашего священника нѣмецкіе солдаты, вырвавъ изъ рукъ св. крестъ и дароносицу, бросили ихъ на землю, разсыпавъ по дорогѣ св. Дары. Въ Сувалкахъ германцами въ церкви была устроена конюшня что ясно было по грязи и конскому помету, а также и по крючкамъ съ кольцами, вбитыми въ стѣну. Въ храмѣ, очевидно, устраивались пиршества, такъ какъ кругомъ валялись пустыя бутылки изъ подъ вина, а послѣ полъ былъ кругомъ загаженъ. На св. престолѣ лежали всевозможныя тряпки, сломанные церковные часы, видны слѣды отъ вина. Ризница пустая; изъ оставшихся ризъ нѣпріятель сдѣлалъ попоны для своихъ лошадей. Въ радомскомъ православномъ соборѣ они курили папиросы и сигары и осквернили храмъ.

Такимъ кашунствамъ и оскорбленіямъ святыни нѣтъ конца, что видны изъ нашей повседневной періодической прессы.

Итакъ, христіанское ученіе не предписываетъ войны своимъ послѣдователямъ, но безусловно и прямо ее и не запрещаетъ. Оно терпитъ войну и косвенно дозволяетъ ее по высокимъ мотивамъ и цѣлямъ, какъ необходимое дѣло защиты ближнихъ. Участіе же христіанъ допускаетъ въ идейныхъ только войнахъ, обусловленныхъ сознанной священной необходимостію возстановить поруганную справедливость, поправная права, защитить жизнь и имущество своихъ ближнихъ, св. вѣру и прочія святыни. Съ этой точки зрѣнія война дѣло правое, угодное Богу, и служить проявленіемъ высокой христіанской любви до готовности положить свою жизнь за друзей своихъ (Іоан. 15,13), согласно св. завѣта нашего Спасителя и Бога.

М. С. І. И.